

Восхваление идеализма и низкопоклонства

В издательстве «Искусство» вышла книга ныне покойного маститого режиссера и видного театрального педагога В. Г. Сахновского «Мысли о режиссуре». Книга эта во многом интересная, живая, творческая, но, однако, крайне спорная по своей методологии, по произвольности оценок, по субъективности точек зрения, а кое в чем даже и бесспорно ошибочная.

Посмертное издание книги налагает на издателей особую ответственность. Можно не сомневаться в том, что В. Г. Сахновский, доживи он до исторических постановлений ЦК ВКП(б) по вопросам литературы и искусства, многое пересмотрел бы в своих взглядах, в своих утверждениях.

На титульном листе книги мы читаем: «Редакция и вступительная статья Н. М. Горчакова». Однако, дочитав вступительную статью Н. М. Горчакова, читатель узнает, что редактор «совершенно сознательно» отказался от того, чтобы, как он выражается, «подчистить» книгу. А жаль! Книга, как мы увидим, нуждалась в строгом редакторском карандаше.

Напрасно стали бы мы ожидать, что ошибки и недостатки книги будут оговорены во вступительной статье редактора. Буда там! Вся статья—безудержная апология теоретической, педагогической и режиссерской деятельности Сахновского.

Н. М. Горчаков, прямо скажем, не скупится на оценки. Книгу Сахновского «Работа режиссера» он называет «первым (!) серьезным исследованием в области теории и практики режиссуры». Не думайте, что автор статьи попросту позабыл о существовании книг К. С. Станиславского. Нет, несколькими строками ниже он говорит уже по поводу следующей работы Сахновского: «Мы вспоминаем с неизменно теплым чувством чудесную автобиографию Станиславского «Моя жизнь в искусстве», но среди весьма немногочисленных книг, посвященных театральному образованию и воспитанию, «Режиссура и методика ее преподавания» занимает первое место по глубине поставленных в ней вопросов и широкому обзору практики режиссера на театре». Вольно же Н. М. Горчакову сводить классическую книгу великого Станиславского до уровня «чудесной автобиографии»! Неужели и впрямь «Моя жизнь в искусстве» не принадлежит к числу «книг, посвященных театральному образованию и воспитанию»? Неужели и впрямь книга Сахновского занимает тут первое место?

Столь же некритически, апологетически отнесся Н. М. Горчаков и к редактируемой им книге «Мысли о режиссуре».

Он не заметил, что среди мыслей В. Г. Сахновского о режиссуре нет основной, определяющей, решающей мысли — о режиссуре, как об идейном художнике, нет мысли о партийности, об идейной страстности, как о главном начале в искусстве режиссера. Ни в книге, ни во вступительной статье к ней нет ясно и четко выраженной мысли об общественно-политическом призвании режиссера, о роли театрального искусства в коммунистическом воспитании народа.

Среди мыслей В. Г. Сахновского о режиссуре не нашлось места проблеме работы режиссера над современным спектак-

лем, с современным драматургом. Немногие строки, в которых упоминаются современные спектакли, поражают своей идейной беспомощностью. Так, например, о «Нашествии» Л. Леонова в постановке Ю. Завадского в книге говорится, что это «произведение, сильно не логикой сюжета, не правдивостью психологии образов, но особым неистовством, бунтом, подпочвенной социальной философией нашего века». Что сие означает?

Проблему режиссуры автор пытается разрешить, не выходя из круга собственно эстетических понятий! Если добавить к этому, что терминология книги весьма произвольна и субъективна, а подчас идеалистична, то научная ее ценность станет очень относительной, — а ведь издательство «Искусство» преподносит эту книгу читателю, не как размышления режиссера-практика, а именно как научный труд. Но кого, к примеру, может сейчас удовлетворить предложенное автором понимание романтизма: «Романтизм есть определенное направление поэтического мышления, определенное мироощущение. Романтически мыслящий субъект наполняется высокими чувствами и благородными идеалами, преодолевая, порой даже не замечая, низость, пошлость, скудость окружающего его действительного мира». Что общего имеет подобное до-кихотское толкование романтизма с романтизмом, как одним из элементов складывающегося в нашем искусстве стиля социалистического реализма?

У нас нет оснований сомневаться в утверждении Н. М. Горчакова, что В. Г. Сахновский страстно любил великую русскую природу «и в ее непосредственном бытии, и в живописи Левитана, и в музыке Глинки, Даргомыжского, Мусоргского и Чайковского». Но не странно ли, что в книге «Мысли о режиссуре» мы не встречаем ни строчки о том же Левитане, но зато находим целые страницы, посвященные пейзажам Рейсдала, офортам Пиранези, батальным картинам Бургиньона, импрессионистским работам Моне, живописи Франса Гальса и Гольбейна, архитектуре Бернини и даже паркам Ленотра, создателя садов Версаля, Шантильи и Фонтенебло.

Достаточно спорен сам по себе принцип настойчивого и не всегда вразумительного привлечения примеров из области изобразительных искусств к рассуждению о проблемах режиссуры. Но особенно досадно, что русский режиссер в своей книге, обращенной к советской молодежи, неизменно ищет образцы подлинного искусства только в западной живописи, только в западной архитектуре. Страницы книги буквально перестряты иностранными именами. Это, быть может, делает честь эрудиции автора, но никак не делает чести его патриотизму. И совсем уже неловко становится, когда искусство того или иного европейского мастера под пером русского режиссера превращается в обязательный эталон художественности. Сахновский пишет: «Можно наверное сказать, что, если режиссеру не свойственны свобода, мудрость и страстность Пиранези, он скучный, монотонный, в лучшем случае приличный, но непременно без аттической соли человек. У него холодная кровь и бесцветные, как паутина, мысли».

Издательство «Искусство», повидимому, убоявшись таких тяжелых последствий для

нашей режиссуры, поспешило иллюстрировать книгу офортами Пиранези, а заодно и пейзажами Рейсдала, кстати говоря, в прескверных репродукциях.

Не найдет читатель, вопреки утверждениям редактора книги, на страницах «Мыслей о режиссуре» имени Глинки, но зато найдет подробные рассуждения о воспитательной В. Г. Сахновского «Цыганке» Равеля.

Надо полагать, что если бы В. Г. Сахновскому довелось самому подписывать в свет свою книгу в 1947 году, то он бы почувствовал вопиющую фальшь своего преклонения перед западным искусством в дни, когда советская интеллигенция решительно освобождается от всех проявлений низкопоклонства перед заграницей. Но почему же этого не почувствовал редактор книги?

После всего сказанного уже не случайной обмолвкой выглядит утверждение автора книги, что заслуга Станиславского-режиссера заключается в том, что «колоссальный опыт, накопленный до него в европейском театре, был им переработан и закреплён в ряде постановок и в сформулированной им системе работы с актерами». Позволительно ли так преувеличивать влияние европейской режиссуры (уже не мейнингенцев ли!) на Станиславского? Позволительно ли так обходить предшественников Станиславского на русской сцене?

После всего сказанного уже не приходится удивляться крайней предвзятости в перечислении основных образов, созданных великой Ермоловой. «Что было перлами мастерства в искусстве Ермоловой? — пишет В. Г. Сахновский. — Шиллеровские образы — Орлеанская дева и Мария Стюарт, Эстрелья в «Звезде Севильи» Лопе де Вега, Долорес в «Графе де Риזור» Сарду, Сафо Грильпарпера, Кларкен в «Эгмонте» Гете, Дагниа в «Северных богатырях» Ибсена, Гермиона в «Зимней сказке» Шекспира, Юдифь в «Уриэль Акоста» Гуккова, Лауренсия в «Овечьем источнике» Лопе де Вега».

Ни одной русской роли! Как будто М. Н. Ермолова никогда не играла в пьесах Островского, как будто ее Катерина не потрясала сердца зрителей, как будто ее Кручинина была проходной ролью, как будто ее Негина не принадлежит к числу шедевров великой актрисы!

Книга В. Г. Сахновского «Мысли о режиссуре», никак не отредактированная и снабженная апологетической вступительной статьей Н. М. Горчакова, может внести немало путаницы в умы театральной молодежи. Н. М. Горчакову, как декану режиссерского факультета ГИТИС, следовало бы об этом своевременно задуматься.

Удивительно и то, что серьезные недостатки книги не были отмечены нашей специальной прессой. Газета «Советское искусство» поместила по поводу этой книги восторженную статью В. Комиссаржевского. Правда, в последнем абзаце В. Комиссаржевский пишет, что книга Сахновского «задает иногда спорить и в чем-то не соглашаться с автором», но он, однако, не вступил в спор по главному, решающему вопросу — о недопустимом низкопоклонстве перед заграницей.

Н. ГРЕКОВ.